Синтаксическое выражение логических топосов (на материале речей русских адвокатов второй половины XIX – начала XX века)

А. А. Бондарева

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация

Несмотря на то что топосы со времен Античности являются неотъемлемым элементом риторической инвентии, по сей день сохраняется проблема их определения. В данной статье за основу взята трехчастная классификация топосов, в рамках которой в отдельную группу выделяются логические топосы, связанные с логическими операциями. В статье предпринимается попытка связать логические топосы, риторические фигуры и синтаксические конструкции. В качестве материала использованы речи русских адвокатов эпохи золотого века русского судебного красноречия, т. е. конца XIX – начала XX в., отобранные в произвольном порядке: основной задачей в рамках работы было рассмотреть не особенности индивидуального ораторского стиля, а общие синтаксические стратегии реализации топосов. В судебных речах одними из наиболее частотных логических топосов являются топосы времени и места, рода и вида. Их анализ проводится с помощью схем логических операций и множеств, а также структурных схем предложений, которые затем связываются с риторическими фигурами (функции фигур кратко описываются для каждого конкретного случая). В заключение обобщаются результаты исследования: приводятся логические операции, наиболее характерные для топосов рода и вида, времени и места; наиболее распространенные синтаксические схемы предложений и риторические фигуры. Высказывается мысль о том, что подобный подход в перспективе может оказаться полезен и продуктивен как в общетеоретическом плане, так и в плане изучения судебного красноречия.

Ключевые слова

топосы, топос рода и вида, логика, логический анализ речи, риторика, судебное красноречие, синтаксис, риторические фигуры

Для цитирования

Бондарева А. А. Синтаксическое выражение логических топосов (на материале речей русских адвокатов второй половины XIX – начала XX века) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 157–165. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-157-165

Syntactic Expression of Logical Topos in the Speeches of Russian Lawyers of the Late 19th and Early 20th Century

Anna A. Bondareva

*Southern Federal University
Rostov on Don, Russian Federation*

Abstract

In the article, we make an attempt to relate logical topoi, rhetorical figures, and syntactic constructions. The research is based on the court speeches of Russian lawyers of late 19th and early 20th century. This period is considered to be the Golden Age of the Russian lawyer eloquence, thus the speeches delivered at that time by famous Russian lawyers in jury trials are of particular interest for the analysis. The speeches were chosen at random as the focus was not on the orators' individual style but on their general strategies of syntactic expression of topoi. Although topoi have been an

indispensable part of rhetorical invention since Antiquity, there still exists a discrepancy in their interpretation. In different time periods, they were regarded as the source of arguments, as clichés and even as themes that can be modified depending on orator's objectives. In the article, we focus on the approach, which involves trichotomic classification, which includes logical topoi that are connected with logical operations. The most common topoi in lawyers speeches are those of *time and place* and *genus and species*. Within the framework of our study, they are analyzed in terms of logical operations and set theory, as well as structural schemes of sentences which were further connected with respective rhetorical figures (their functions being described for each case). The structural schemes' analysis we used follow the principles described in *Russian Grammar* (1980). In the final part of the article, the results of the study are summarized. Logical operations typical for the topoi of *time and place* and *genus and species* are provided along with the most common syntactic schemes of sentences and rhetorical figures. We believe that this approach to the analysis of topoi can be beneficial both in theoretical and practical perspective and can be common to analyze the logical basis of lawyers' argumentation, the major component of their eloquence.

Keywords

syntax, topoi, logic, rhetoric, judicial oratory, argumentation theory, rhetorical figures

For citation

Bondareva, Anna A. Syntactic Expression of Logical Topos in the Speeches of Russian Lawyers of the Late 19th and Early 20th Century. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 2, p. 157–165. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-157-165

К проблеме интерпретации топосов

Топосы как элементы риторики известны еще с античных времен. Им были посвящены работы Аристотеля [2015; 1978], Квинтилиана [1834] и Цицерона [1994], однако ни во времена Античности, ни позднее топосам не было дано четкого определения. Есть основания полагать, что древние риторики просто не видели в этом необходимости и предпочитали решать чисто практические задачи (к этому вопросу мы еще вернемся). Размытость топоса как риторической категории в дальнейшем привела к появлению разных интерпретаций и подходов к его осмыслению.

В Средние века, когда исследователям была доступна лишь часть античных текстов, топосы или общие места часто понимались не как способ отыскания доказательств [Цицерон, 1994. С. 58], а как лексические, тематические (см., например: [Соломоновская, 2018; Ноева (Карманова), 2021] и даже жанровые клише, которые могли использоваться при создании широкого спектра текстов – от художественных произведений до проповедей и личных писем [Lauer, 2004]. Средневековые авторы составляли каталоги общих мест и флорилегии, которые должны были помочь авторам в написании речей и текстов. В эпоху Возрождения эти каталоги и списки трансформировались в оригинальные и сложные механизмы нахождения аргументов и выявления связи понятий. Один из таких механизмов имел вид четырех колес и был описан Орацио Тосканеллой [Toscanella, 1569].

Отступление от античной традиции и смещение топики в сторону поэтики и стиля лишь усугубило теоретические проблемы и привело к появлению в дальнейшем весьма необычных и спорных идей. Так, например, Эрнст Роберт Курциус в работе «European Literature and the Latin Middle Ages» [Curtius, 1963] трактовал топосы как универсальные темы и сближал с юнговскими архетипами. Отечественный исследователь А. Е. Махов [2011] справедливо указывал, что это приводит к подмене термина и противоречит античному пониманию топоса как «эвристической категории, орудия нахождения аргументов». Курциус связывал античную топику с дидактизмом, наставлением и характеризовал ее как систематичную и нормативную («But whereas antique topics is part of a didascalium, and hence is systematic and normative, let us try to establish the basis of historical topics» [Curtius, 1964. P. 82–83]), однако более поздние работы историков риторики указывают на обратное.

Майкл Лефф обращал внимание на отсутствие у античных риторов интереса к строгой классификации топосов. Они относились к ним, как к набору инструментов: в зависимости от стоящей перед ним задачи оратор просто выбирал подходящий вариант – для достижения риторической цели ему совершенно не нужно было прибегать к абстрактным рассуждениям о классификациях [Leff, 2006. P. 205]. Аналогичную мысль в комментарии к работе Кристо-

фера Тиндейла «Revisiting Aristotle's *Topoi*» высказывал Питер Хаутлоссер: «It will not be mere speculation to say that this concept was developed by the classics first and foremost with an interest in their heuristic and productive purposes, and only secondarily – if at all – with an interest to provide a tool for the analysis and evaluation with which contemporary argumentation theorists are concerned» [Houtlosser, 2007. P. 1].

Настоящая статья – первая попытка связать логические топосы, риторические фигуры и синтаксические конструкции. При помощи логических схем и синтаксических схем предложений проанализирована синтаксическая реализации двух топосов, весьма распространенных в судебных речах, а именно топоса рода и вида и топоса времени и места. Материалом послужили речи судебных ораторов, созданные в период расцвета русского судебного красноречия, т. е. в конце XIX – начале XX в. Тексты были отобраны произвольно: в рамках данной статьи нас интересуют не стилевые различия конкретных авторов, а общие синтаксические стратегии реализации топосов.

В качестве теоретической основы исследования была использована классификация топосов Г. Г. Хазагеров, в рамках которой топосы понимаются как «аспект, в котором может быть развернута речь» [2008. С. 10]. С этой точки зрения топосы делятся на семантические, прагматические и синтаксические – последние понимаются как «локальные порождающие модели», связанные с логическими операциями [Хазагеров, 2017. С. 50]. Одним из значительных преимуществ этой концепции, на наш взгляд, является ее гибкость, которая оказывается полезна не только для практического применения классификации, но и для аналитической работы. Автор, в частности, указывает на тот факт, что одной и той же логической операции могут соответствовать сразу несколько топосов или фигур [Там же. С. 51].

Синтаксическое выражение топоса рода и вида в судебных речах

Топос рода и вида – один из наиболее частотных логических топосов в судебных речах. Связано это, вероятно, не только с естественной необходимостью классифицировать явления и объекты, фигурирующие в деле, но и с установкой судебного красноречия рубежа XIX и XX вв. на психологизм и выявление типического: адвокаты, находившиеся под влиянием русской реалистической литературы, анализировали психологию фигурантов дел и классифицировали их с точки зрения типов [Khazagerov, Bondareva, 2019. P. 293].

Подобным образом поступал, например, В. Д. Спасович, когда описывал защищаемого им Кронеберга: «Есть люди, которые по натуре своей более склонны к жизни семейной; есть люди, которые могут прожить целый век холостяками. К. именно принадлежит к людям первого ряда, которых так и клонит к браку; он чуть-чуть не женился в 1872 году; в 1873 году также имел намерение, но партия расстроилась...» [Казанцев, 1991. С. 194].

Приведенный фрагмент можно интерпретировать как логическую дизъюнкцию, причем дизъюнкцию строгую, так как быть одновременно и семейным человеком, и холостяком невозможно¹. В виде логической схемы это можно записать как

- (1) $a \vee b$,
- (2) $S \in a$,

где a – множество склонных к семейной жизни людей; b – множество холостяков; S – референт речи, подзащитный Кронеберг. Сначала констатируется существование двух множеств, затем следует утверждение о принадлежности Кронеберга одному из них, подкрепляемое далее фактами биографии.

В данном случае, вероятно, можно говорить о наличии антитезы, но не как противопоставления, а как сопоставления, относящегося к одному референту [Хазагеров, 2009. С. 167].

¹ Дело Кронеберга слушалось в 1876 г.

Синтаксически же это воплощается в сложноподчиненных предложениях нерасчлененной структуры, которые можно представить в виде следующих структурных схем ²:

- (1) Inf N_{1pl},
- (2) Inf N_{1pl},
- (3) N₁ V_f.

Несмотря на то что семантические отношения между главным и придаточным предложениями в данном случае весьма специфичны – условия контекста и коммуникативная задача сообщения выводят на первый план именно определительные придаточные предложения, которые содержат характеристику людей, формирующих каждое из множеств, – мы будем следовать принципу построения структурных схем, изложенному в «Русской грамматике», и зафиксируем лишь абстрактные образцы [Русская грамматика, 1980].

Более завуалировано выражена дизъюнкция во фрагменте защитительной речи Н. П. Карабчевского по делу Мироновича: «Так пишут только пережившие событие или гениальные художники. Госпожа Семенова далеко не художница; когда она о чем-то измышляет, измышления не блещут ни оригинальностью, ни интересом. Зато когда с беззастенчивостью психопатки, которой “не стыдно и никого не жаль”, она рассказывает о себе всю правду, ее можно заслушаться» [Карабчевский, 2010. С. 60].

Этот фрагмент можно отнести к отрицающе-утверждающему модусу: сначала перечислены альтернативы разделяемые союзом *или*, затем следует отрицание одной из альтернатив и выносится заключение:

- (1) $a \not\subseteq b$,
- (2) $S \notin a$,
- (3) следовательно, $S \in b$,

где a соответствует множеству художников, b – множеству переживших события, S – референту речи.

На первый взгляд может показаться, что разделительная посылка ложная, так как в ней перечислены не все возможные альтернативы, а упомянутые варианты слишком необычны, чтобы сформировать основу для разделительно-категорического суждения в отрицающе-утверждающем модусе. Однако здесь мы сталкиваемся с важной особенностью функционирования синтактико-логических топосов: зачастую они не сконцентрированы в пределах нескольких предложений, а охватывают более крупные сегменты речевого произведения – сверхфразовые единства ³. В достаточно объемном фрагменте речи Н. П. Карабчевский сначала дает психологическую характеристику Семеновой, затем отмечает поразительную ясность ее показаний, которые в точности соответствуют данным материалов предварительного следствия. Отсюда адвокат приходит к выводу, что так ярко и подробно может писать или человек, обладающий художественным талантом, или же человек, который сам был участником событий. Из характеристики Семеновой ясно, что она не обладает качествами «гениального художника», а потому ее следует отнести к участникам событий.

В таких случаях составить структурные схемы предложений намного труднее, чем логические. Но даже если мы будем трактовать такой объемный фрагмент, содержащий в себе топос, как логически неделимое целое, то внутри этого целого по-прежнему можно будет выделить своего рода логическое ядро – в данном случае это будет приведенная в начале ци-

² Структурные схемы приводятся по номенклатуре «Русской грамматики» 1980 г., изданной под редакцией Н. Ю. Шведовой [Русская грамматика, 1980].

³ В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дается следующее определение сверхфразового единства: «Сверхфразовое единство – (сложное синтаксическое целое, микротекст, период) – отрезок речи в форме последовательности двух и более самостоятельных предложений, объединённых общностью темы в смысловые блоки. С. е. имеется в устной и письменной, диалогической и монологической речи, в прозе и стихах и т. д. Оно может совпадать с абзацем, быть больше и меньше абзаца» [Шевякова, 1998. С. 435].

тата из речи Н. П. Карабчевского. Она может быть представлена в виде следующей структурной схемы:

- (1) $V_{3pl} N_{1pl}$ или N_{1pl} ,
- (2) $N_1 Neg N_1$,
- (3) $N_1 V_f$.

Наличие бинарной дизъюнкции дает основание полагать, что в данном фрагменте представлена риторическая фигура «антитеза» – «подчеркнутое утверждение одного явления путем отрицания другого» [Хазагеров, 2009. С. 153]. Наличие альтернативы (множества художников и множества психопатов) на синтаксическом уровне выражается посредством двухкомпонентного предложения с двумя однородными подлежащими.

Более компактным оказывается фрагмент речи А. Ф. Кони по делу об убийстве Филиппа Штрама, представляющий собой пример конъюнкции: «Для совершения такого убийства надо было знать, что у покойного были деньги. Это знали, конечно, те лица, которым он давал деньги в долг. Однако он давал их вне дома. Кто же в доме мог знать? Могли знать только домашние, близкие Штрама» [Кони, 2000. С. 316]. В виде логической схемы это можно записать следующим образом:

- (1) $S \in a$,
- (2) $b \vee c$,
- (3) $c \notin a$,
- (4) $b \in a$,
- (5) следовательно, $S \in a$ и $S \in b$,

где S соответствует референту речи (убийце); a – множеству тех, кто знал, где хранились деньги; b – множеству домашних убитого; c – множеству клиентов-заемщиков. Другими словами, убийца должен был и знать, что у Штрама были деньги, и бывать в его доме. В виде структурной схемы это можно представить как

- (1) $Adv_o Cop Inf$,
- (2) $N_{1pl} V_f$,
- (3) $N_1 V_f$.
- (4) Кто $Cop Inf$?
- (5) $Cop Inf N_{1pl}$.

Лаконичность и использование парцелляции в третьем и четвертом предложениях не просто добавляет динамичности фрагменту, но и существенно упрощает восприятие слушателем логической операции. В четвертом и пятом предложениях гипофора усиливает анадиплозис, который выполняет здесь одну из своих частых функций – демонстрирует логическую последовательность [Хазагеров, 2009. С. 159].

Синтаксическое выражение топоса места и времени

Второй вид топоса, наиболее распространенный в судебных речах, – это топос места и времени. Нередко он занимает значительную часть речи судебного оратора, который должен проанализировать не только отдельные улики и поведение фигурантов дела, но также место и время совершения преступления.

Одним из дел, где топос места и времени занимает центральное положение, можно назвать дело об убийстве Сарры Модебадзе. Защитник П. А. Александров в первой части своей речи произнес следующее: «Необходимо доказать, что похититель и предмет похищения сошлись в одно и то же время в одном и том же месте и находились в такой один от другого близости, чтобы похититель имел возможность овладеть похищаемым предметом. Нет этого условия, – похищение невозможно» [Судебные речи, 2015. С. 270].

В терминах логики этот фрагмент можно связать с примером конъюнкции: и похититель, и жертва должны были оказаться в одном месте, в одно время и должны были находиться близко друг к другу. В виде схемы это можно представить как

$$(1) S \wedge T \in a \wedge b \wedge c,$$

где S – похититель; T – жертва; a – множество тех, кто был в одно время; b – множество тех, кто оказался в одном месте; c – множество тех, кто располагался близко.

В виде структурной схемы синтаксис этого же фрагмента может быть представлен следующим образом:

$$\begin{aligned} (1) & \text{Adv}_0 \text{ Inf}, \\ (2) & \text{Neg N}_2 - \text{N}_1 \text{ Neg Adv}_0. \end{aligned}$$

Особое внимание на синтаксическом уровне обращает на себя использование повтора, который выделяет элементы конъюнкции («в одно и то же время в одном и том же месте»), а также асиндетон в последнем предложении: пропуск составного союза «если... то» и в целом намного более лаконичное построение последнего предложения сильно контрастируют с распространенным и объемным первым предложением. Всё вместе как бы выдвигает последнее предложение и подчеркивает необходимость выполнения всех перечисленных оратором условий.

К топосу времени и места, но уже с использованием импликации, прибегает П. А. Александров, когда говорит о невозможности похищения Сарры Модебадзе: «...Сарра не могла быть похищена евреями, потому что она не могла быть во время их проезда вблизи них, и что, следовательно, детские крики, которые были слышны на садзаглихевской дороге, никак не могли быть ее криками» [Судебные речи, 2015. С. 271–272]. Если упростить высказывание, то получается, что Сарра не принадлежит множеству похищенных, а ее крики не включены в услышанные крики:

$$\begin{aligned} (1) & S \notin a, \\ (2) & T \notin b, \end{aligned}$$

где S соответствует референту речи (Сарре); a – множеству тех, кто был рядом; T – крикам Сарры; b – крикам, которые были слышны.

Примечательно, что адвокат П. А. Александров, уже доказав, что Сарра не была похищена, начал доказывать, что услышанные крики ей не принадлежали. В результате возникла тавтология: на дороге не было ни девочки, ни ее криков. Вероятно, эта тавтология была ответом на возможный контраргумент: а чьи это были крики? Адвокат убеждал, что крики могли быть чьи угодно, но не Сарры, поскольку ее не похищали (импликация «если девочку не похищали, то и крики были не ее»).

В виде структурной схемы предложения это можно записать как

$$(1) \text{N}_1 \text{ Neg Cop Inf и } \text{N}_{1\text{pl}} \text{ Neg V}_f.$$

Как мы уже упоминали, логические топосы далеко не всегда расположены в тексте компактно: зачастую они выходят за пределы нескольких предложений и охватывают целые сверхфразовые единства. Интересным примером может послужить в этом отношении фрагмент речи Н. П. Карабчевского по делу Бейлиса: «Всё, что удостоверено и что мы бесспорно знаем о Ющинском по поводу 12 марта, это то, что он был с Женей Чеберяком, что он был на квартире Чеберяка и что только там он мог оставить свое пальто» [Карабчевский, 2010. С. 488]. И далее: «Куда бы она (собака-ищейка. – А. Б.) привела, обнюхав одежду Ющинского? На завод к Бейлису или квартиру Чеберяка⁴» [Карабчевский, 2010. С. 489].

⁴ В данном случае речь идет о Вере Чеберяк – матери Жени Чеберяка и владелице квартиры, где могло произойти убийство.

Мы привели лишь две цитаты, однако, если обратиться к полному тексту речи⁵, можно обнаружить, что анализируемый топос охватывает сразу несколько абзацев, которые позволяют получить более точное представление об использованной строгой дизъюнкции:

$$(1) a \vee b,$$

т. е. Андрей Ющинский мог быть убит либо на заводе обвиняемого Бейлиса (*a*), либо на квартире Чеберяк (*b*). Всё, что известно о Ющинском в день убийства, связано с квартирой Чеберяк, следовательно, он был убит именно там.

Здесь так же, как и в рассмотренном ранее фрагменте речи Н. П. Карабчевского в защиту Мироновича, можно выделить своего рода логическое ядро: таковым будет череда вопросов из второй цитаты. В виде структурной схемы их можно представить как

$$(1) N_1 V_f?$$

$$(2) N_{4loc} \text{ или } N_{4loc}?$$

Эти вопросы можно отнести к дубитациям, фигурам выражения «реального или притворного сомнения на какую-либо тему», которое «приглашает порассуждать» аудиторию [Хазаров, 2009. С. 90]. Следует отметить, что, если мы обратимся к полному тексту речи Н. П. Карабчевского, то обнаружим, что приведенные дубитации – это лишь часть из следующих один за другим вопросов, которые Н. П. Карабчевский обращает к аудитории. Однако нами были отобраны именно эти два вопроса, так как именно в них наиболее отчетливо проявляется логическая дизъюнкция.

Выводы

Разбор топосов времени и места, рода и вида показывает, что наиболее часто с ними связаны логические операции дизъюнкции и конъюнкции. В случае использования дизъюнкции судебный оратор рассматривает две или более альтернативы, если речь идет о предполагаемом месте и времени совершения преступления, или относит явление, объект или фигуранта дела к одной из групп, причем эти группы зачастую противопоставляются. В ситуациях, когда используется конъюнкция, оратор подчеркивает необходимость выполнения сразу нескольких условий: например, когда показывает, что преступник, чтобы совершить преступление, должен был принадлежать сразу нескольким множествам.

В исследованных нами фрагментах логической дизъюнкции соответствовали такие риторические фигуры, как антитеза и дубитация – последняя возникает в случае, когда оратор хочет не просто подчеркнуть альтернативу, но и пригласить аудиторию к совместному размышлению над возможностью и невозможностью развития событий по перечисленным сценариям. Логической конъюнкции соответствовали анадиплозис и асиндетон, которые за счет своей лаконичности позволили подчеркнуть необходимость выполнения сразу нескольких условий.

С точки зрения синтаксиса, рассмотренные нами логические операции выражены преимущественно свободными двухкомпонентными схемами со спрягаемыми и неспрягаемыми формами глагола – вторые чаще употреблялись в случаях, когда при построении дизъюнкции

⁵ Для удобства приведем сокращенный фрагмент речи, который позволяет в общих чертах представить цепочку рассуждений Н. П. Карабчевского: «Всё, что удостоверено и что мы бесспорно знаем о Ющинском по поводу 12 марта, это то, что он был с Женей Чеберяком, что он был на квартире Чеберяка и что только там он мог оставить свое пальто. <...> Если на пальто не было крови, то почему оно, оставшись в квартире (Веры. – А. Б.) Чеберяк, бесследно исчезло? <...> Куда бы она (собака-ищейка. – А. Б.) привела, обнюхав одежду Ющинского? На завод к Бейлису или квартиру Чеберяк? Почему не пустили (собаку. – А. Б.)? А вдруг скандал?» [Карабчевский, 2010. С. 488–489]. Последнее предложение отсылает к началу речи, где Н. П. Карабчевский говорит о сложившемся предубеждении против евреев: общественность, а вслед за ней и следствие сразу склонились к версии о ритуальном убийстве. Отказ от этой версии в ходе следствия, по ироничному замечанию адвоката, мог привести к «мировому» конфузу».

оратор отвлеченно констатирует существование двух множеств, к одному из которых затем относится объект речи.

Таким образом, мы предприняли попытку связать в некоторых продуктивных случаях топосы, синтаксис и фигуры, что открывает перспективы как в общетеоретическом плане, так и в плане изучения судебного красноречия.

Список литературы

- Аристотель.** Топпика // Аристотель. Собр. соч. М.: Философское наследие, 1978. Т. 4. 684 с.
- Аристотель.** Поэтика. Риторика / Пер. с др.-греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 320 с.
- Казанцев С. М.** Суд присяжных в России: громкие уголовные процессы 1864–1917 гг. Л.: Лениздат, 1991. 512 с.
- Карабчевский Н. П.** Судебные речи. М.: Юрайт, 2010. 564 с.
- Квинтилиан М. Ф.** Двенадцать книг риторических наставлений. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1834. 1071 с.
- Кони А. Ф.** Избранные труды и речи / Сост. И. В. Потапчук. Тула: Автограф, 2000. 640 с.
- Махов А. Е.** «Историческая топпика»: раздел риторики или область компаративистики? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 275–289.
- Ноева (Карманова) С. Е.** Лиминальный мир в якутской культуре: роль и место человека в пространстве дороги // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 1. С. 40–52. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-40-52
- Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. 709 с.
- Соломоновская А. Л.** Переводческие предисловия в славянском и германском мире IX века: традиционные топосы и новые элементы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 1. С. 63–75.
- Судебные речи известных русских юристов: В 2 т. М.: Юрайт. Антология мысли, 2015. Т. 1: Сборник Г. М. Резника. 378 с.
- Хазагеров Г. Г.** Топос vs Концепт: к изучению топосферы культуры // Изв. ЮФУ. Филологические науки. 2008. № 3. С. 6–26.
- Хазагеров Г. Г.** Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. 432 с.
- Хазагеров Г. Г.** Топос в контексте преподавания и практического применения // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2017. № 19. С. 49–54.
- Цицерон М.** Эстетика: трактаты, речи. Письма. М.: Искусство, 1994. 560 с.
- Шевякова В. Е.** Сверхфразовое единство // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 435.
- Curtius, E. R.** European Literature and the Latin Middle Ages. Harper & Row, New York and Evaston, 1963, 658 p.
- Houtlosser, P.** Commentary on Tindale. OSSA Conference Archive, 2007, p. 1–3.
- Khazagerov, G. G., Bondareva, A. A.** Rhetorical platforms and the development of the Russian literary language: judicial oratory. *Communication Studies*, 2019, vol. 6, no. 2, p. 292–304.
- Lauer, J. M.** Invention in Rhetoric and Composition. West Lafayette, Indiana, Parlor Press LLC, 2004, p. 29–37.
- Leff, M.** Up from Theory: Or I Fought the Topoi and the Topoi Won. *Rhetoric Society Quarterly*, 2006, vol. 36 (2), p. 203–211.
- Toscanella, O.** Armonia di tutti principali retori. Venezia, Giovanni Varisco, 1569.

References

- Aristotle.** Poetics. Rhetoric. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Atticus, 2015, 320 p. (in Russ.)
- Aristotle.** Topics. Moscow, Filosofskoye nasledie, 1978, vol. 4, 684 p. (in Russ.)
- Cicero, M.** Aesthetics: Treatises, Speeches. Letters. Moscow, Iskustvo, 1994, 560 p. (in Russ.)

- Court speeches of famous Russian lawyers. Moscow, Urait Publ., 2015, vol. 1: Compiled by G. M. Reznik, 378 p. (in Russ.)
- Curtius, E. R.** European Literature and the Latin Middle Ages. New York and Evaston, Harper & Row, 1963, 658 p.
- Houtlosser, P.** Commentary on Tindale. OSSA Conference Archive, 2007, p. 1–3.
- Karabchevsky, N. P.** Court speeches. Moscow, Urait Publ., 2010, 564 p.
- Kazantsev, S. M.** Jury Courts in Russia: Famous Criminal Trials of 1864–1917. Leningrad, Lenizdat, 1991, 512 p. (in Russ.)
- Khazagerov, G. G.** Rhetorical Dictionary. Moscow, Flinta: Nauka, 2009, 432 p. (in Russ.)
- Khazagerov, G. G.** Topoi in the Context of Teaching and Practical Application. In: *Bulletin of Katanov State University of Khakassia*, 2017, no. 19, p. 49–54. (in Russ.)
- Khazagerov, G. G.** Topos vs Concept: On Toposphere of Culture. In: *Bulletin of Southern Federal University. Philological Sciences*, 2008, no. 3, p. 6–26. (in Russ.)
- Khazagerov, G. G., Bondareva, A. A.** Rhetorical platforms and the development of the Russian literary language: judicial oratory. *Communication Studies*, 2019, vol. 6, no. 2, p. 292–304.
- Koni, A. F.** Selected works and speeches. Tula, Autograph, 2000, 640 p.
- Lauer, J. M.** Invention in Rhetoric and Composition. West Lafayette, Indiana, Parlor Press LLC, 2004, p. 29–37.
- Leff, M.** Up from Theory: Or I Fought the Topoi and the Topoi Won. *Rhetoric Society Quarterly*, 2006, vol. 36 (2), p. 203–211.
- Makhov, A. E.** Historical topics: A Branch of Rhetoric or a Field of Comparative Studies? *Literature Issues*, 2011, no. 3, p. 275–289. (in Russ.)
- Noeva (Karmanova), Sargylana E.** Liminal World in Yakut Culture: The Role and Place of Man in the Space of the Road. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 1, p. 40–52. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-40-52
- Quintilian, M. F.** Institutes of Oratory. St. Petersburg, Typography of Imperial Russian Academy, 1834, 1071 p.
- Russian Grammar. Ed. by N. Y. Shvedova. Moscow, Nauka, 1980, vol. 2: Syntax, 709 p. (in Russ.)
- Shevyakova, V. E.** Super-phrasal unity. In: Linguistic encyclopedic dictionary. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1998, p. 435. (in Russ.)
- Solomonovskaya, A. L.** Translators' Prefaces in Germanic and Slavic Domains of the Ninth Century: Traditional Topoi and New Elements. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 1, p. 63–75. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-1-63-75
- Toscanella, O.** Armonia di tutti principali retori. Venezia, Giovanni Varisco, 1569.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
08.12.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Бондарева Анна Александровна, аспирант кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

Anna A. Bondareva, PhD Student at the Institute of Philology, Journalism, and Intercultural Communication of the Southern Federal University (Rostov on Don, Russian Federation)

bondareva-anna@yandex.ru
ORCID 0000-0002-6469-3446